

Завещание Короленко

Удивительную книгу написал кандидат исторических наук, писатель Сергей Дмитриев. Она называется «Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921. От Первой мировой до красного террора и НЭПа» и выпущена издательством «Вече».

Автор пишет: «Мы уже стали привыкать к неожиданным поворотам в судьбах деятелей, писателей и мыслителей прошлого, благодаря которым через многие десятилетия после их смерти мы вдруг какими-то новыми, освобождёнными от назойливых шор глазами начинаем видеть их просветлевшие, очищенные от наслоений времени, величественные фигуры. Пелена лет при этом, внезапно истлев, спадает и являет перевозданный облик тех, кто, казалось, был навеки обречён "носить" закрепившиеся на них чужие "одежды", скроенные из досадных заблуждений и упрощений».

История, несмотря на жестокосердие своей безостановочности и пугающую необратимость, всё-таки справедлива: рано или поздно она всегда отдаёт долги признаний всем, кто этого воистину заслуживает. Жаль только, что эти долги призваны получать, как правило, не сами пострадавшие, а их потомки.

Что-то близкое к такому внезапному «вознесению» из сумрака полубезбения на свет пристального общественного внимания, очищению от пыли времени пережила в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века фигура замечательного русского писателя Владимира Короленко, обречённого долгие годы на интерес только литературоведов-профессионалов и пребывание в тени более звонких писательских имён. Толчком к разрушению давно устоявшегося, приглаженного образа автора «Слепого музыканта» и «Детей подземелья», этакого мягкого, добренького романтика, погружённого в переживания возвышенных душ, послужили его впервые опубликованные в СССР «Письма к Луначарскому», пролежавшие под спудом неизвестности для отечественных читателей почти 70 лет и сверкнувшие на небосклоне литературных новинок яркой кометой. Эти письма обнажили вдруг и горячий, мятежный дух писателя, и его острое гражданское мужество, и удивительную, опередившую многих и многих прозорливость, свойственную лишь крупным мыслителям.

Казалось бы, всего лишь шесть писем объёмом в два с небольшим печатных листа, но как быстро и прочно заняли они тогда особое место в настоящем водопаде исторических публикаций о революции в России. В отличие от многого, с чем впервые смогли ознакомиться в те годы советские читатели, эти письма писались не в стол и не по прошествии долгих лет после описываемых событий, а на самую злобу дня и как бы во весь голос, ибо изначально задумывались как открытые письма.

Письма Короленко к Луначарскому, законченные за год с небольшим до смерти автора, — своеобразное завещание крупного писателя, замыкавшего собой плеяду русских классиков конца XIX — начала XX в. и хранившего до конца своих дней их заветы. И тем ценнее должно быть для нас это дальнейшее эхо ушедшего, встающего сейчас перед нами тревожными рядами всё новых и новых вопросов.

Особая значимость эпистолярного цикла в творческом наследии писателя была ясна ещё при его жизни, когда с «Письмами к Луначарскому», распространявшимися в списках, смогли ознакомиться в России лишь немногие, в первую очередь близкие к Короленко лица. Публикация уже после смерти Владимира Галактионовича в 1922 г. в Париже значительно расширила круг их читателей, воспринимавших цикл как «последнее слово», «слово исповеди и надежды» любимого писателя. В предисловии к первому

книжному изданию «Писем к Луначарскому» Дионео, сотрудничавший ранее с Короленко в редакции «Русского богатства», справедливо писал: «"Письма В.Г. Короленко" могли появиться только за границей. Читатель легко убедится, что эти письма, которые А.В. Луначарский не решился напечатать в "Правде", как обещал автору, поставят публициста и гражданина В.Г. Короленко ещё на более высокий пьедестал, чем раньше. Маленькая книжка эта долго будет приводиться как пример гражданской доблести. Письма — лучшее завещание Владимира Галактионовича. Мы видим в них проявление смелого духа, закалённого когда-то в якутской тайге.

Подвиг война гигантский
И стыд сражённых им врагов
В суде ума, в суде веков
Ничто пред доблестью гражданской.

Эти стихи К.Рылеева могли бы служить эпиграфом всей деятельности Короленко».

Примерно ту же мысль высказал в своей статье о первой публикации писем писатель М.Алданов: «Очень незлобивую душу, очень большую веру в силу и спасительность слова нужно было иметь для того, чтобы вступить в подобную переписку с Луначарским!.. В этих письмах Короленко мы видим облик прекрасного человека, уже стоящего над краем могилы и не желающего уходить из мира со словами ненависти на устах...».

Жанр открытых писем позволил автору коснуться в них многих тревожных тем текущей жизни, то есть отдать дань тому высшему предназначению публицистики, которое состоит в том, чтобы «писать историю современности». Но вместе с тем, как это и подобает «завещанию» выдающегося писателя, в своём эпистолярном цикле Короленко выразил отношение и к самым корневым, стержневым проблемам бытия человеческого, оставив бесценный завет для потомков. Он сказал своё «последнее слово» так, чтобы оно не оборвалось в проходящей сиюминутности, а продолжало бы громко звучать даже в далёком будущем. Будущее это пришло, и мы являемся сегодня свидетелями того,

как написанное почти сто лет назад вновь обрело живую силу, веру и обнажённую совесть, с которыми оно тогда писалось.

Политика и литература... Эти две неравнозначные сферы соприкасались в России теснее, чем в каких-либо других странах. Неизбывное неустойчивое устройство социальной жизни заставляло русских писателей не только отражать её «язвы» в своём творчестве, затрагивая при этом обширную и многозначную область политики, но и самим включаться в разные формы в кипевшее в стране непрерывное политическое соперничество. На этом пути мастеров слова ждали гонения, политические преследования, тюрьмы, ссылки и даже эшафот. XIX век прошёл под знаком постепенного, всё более явного сопряжения в звании писателя художественного мастерства и политической неблагонадёжности.

Не избежал счастья и горечи испить из этой чаши и Владимир Короленко, уличённый в противоправительственной деятельности и отдавший около шести с половиной лет своей молодости познанию народной жизни с изнаночной стороны тюрем, ссылок и проживания на поселениях. Такой тягостный жизненный опыт, по сути, и сделал из него писателя, чей окрепший в жизненных испытаниях голос влился в хороевое многоголосье великой русской литературы, жившей по законам правды, любви и добра.

Отойдя от прямого революционного подвижничества, Короленко тем не менее долгие годы числился в качестве неблагонадёжного под негласным полицейским надзором. И он не сложил с себя призвания служить нуждам народа, неоднократно доказывая это своим пером.

В 1900 году, когда семья Короленко переехала на постоянное местожительство из шумного Петербурга в спокойную далёкую Полтаву, никто даже при самом желании не смог бы предположить, что суждено будет пережить всей семье в этом тихом провинциальном городе. Ведь и переезд-то был вызван стремлением Владимира Галактионовича вырваться из затягивавшей, как тряпина, суесть петербургской общественной жизни, мешавшей сосредоточиться на творчестве и поправить уже ослабшее здоровье.

Однако бурные всплески исторического движения, омывавшие страну с начала века, захватывали в свой усиливавшийся водоворот любой уголок империи, не миновав Полтаву. И это движение не могло не затягивать своим потоком податливого на зовы «тревожного времени» Короленко, всегда встававшего на защиту униженных и оскорблённых. Уже скоро полтавчане и крестьяне Полтавщины хорошо узнали мужественный нрав и отзывчивость «деда Короленко», отстаивавшего их честь и достоинство от незаконных посягательств властей. С особой силой эти черты писателя дали о себе знать в годы первой революционной бури, наполненной жестокими столкновениями.

Но впереди мерцали новые, ещё более страшные потрясения. Кровопролитная

война, захватившая в свои сети десятки стран... Революционный взрыв, повергнувший ниц, казалось, нерушимый столп самодержавия... Новая революционная буря... Жесточайшая братоубийственная война...

Таинство рождения, формирования и расцвета истинных писателей вообще не поддаётся однозначному разгадыванию и упрощённой расписывке, но несомненно, обязательное место в нём занимает богатая жизненная школа гениев пера, дающая возможность благотворного погружения в людскую стихию и отображения её яркими живописными красками. Ощущение себя в гуще жизни, сострадание ей — это чаще всего горький, но не заменимый ничем хлеб писательского труда, без которого «слово изречённое» не живёт, не дышит и не передаётся от сердца к сердцу, от души к душе. И сколь богата великая русская литература теми, кто, посвящая себя тяжкому служению слову, не чурался кипевшей вокруг жизни, а страстно соперничал ей, деля с родным народом его горести и мучения, его взлеты, прозрения и победы.

В ряду этих «страдальцев» русской литературы фигура Владимира Короленко занимает особое место. И именно потому, что ему как носителю лучших традиций русской литературы, получившему после смерти Льва Толстого эшафету «первого морального авторитета» страны, судьба подарила возможность увидеть и пропустить через себя все раскаты русской смуты 1917–1921 гг., отразив увиденное и прочувствованное в огромном творческом наследии: дневниках, письмах, публицистических статьях. Писатель повезло, что начиная с 1988 года по настоящее время в СССР и России были опубликованы почти все основные труды и произведения писателя 1917–1921 гг.

В новой книге подробно, с привлечением уникальных материалов раскрывается трагическая одиссея писателя Владимира Короленко, которому в последние годы жизни выпало увидеть воочию все катаклизмы и коллизии революционной смуты в России. Смена не менее десяти властей в Полтаве и на Украине, язвы красного и белого террора, анархия и бесчинства зелёных, полный развал экономики, наступление страшного голода, встречи с видными деятелями большевиков, помощь военнопленным и детям, повседневная заступническая деятельность ради спасения людей из застенков ЧК и белой контрразведки, предотвращение погромов — всё это пришлось пережить уже пожилому писателю, которому судьба подарила возможность стать очевидцем новой смуты и с высот русской классической литературы описать и оценить её, оставив для нынешнего времени бесценные свидетельства.

Что пережил Короленко на склоне жизни? Что скрывает драматическая история писем к Луначарскому? Какие взаимоотношения связывали Короленко с Лениным и другими вождями большевиков? Что предвещал и предвидел Короленко, находясь одной ногой в могиле? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, книга включает в себя два пласта: описание полтавской одиссеи писателя на протяжении пяти лет и анализ его размышлений по самым животрепещущим аспектам истории революций 1917 года и Гражданской войны. Автор книги, кандидат исторических наук Сергей Дмитриев начал заниматься этой темой ещё в 1989-м, опубликовав целый ряд статей и составив сборник всех публицистических выступлений писателя 1917–1921 гг. «Была бы жива Россия!». Для иллюстрирования книги использованы редкие фотографии.

